

ЭКСПЕРИМЕНТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Интервью с Палом Тамашем

Пал Тамаш (Pal Tamas) – один из ведущих европейских специалистов по проблемам социально-политических трансформаций на постсоветском пространстве; директор Центра социальной политики Будапештского университета Корвинус (Венгрия), бывший директор Института социологии Венгерской академии наук, действительный член Венгерской академии инженерных наук. Выступал с лекциями и участвовал в научных проектах в ведущих университетах США, Канады, Германии и Австрии. В качестве эксперта по реформированию науки и высшего образования сотрудничал с правительствами России, Украины, Грузии, Молдовы, Киргизии, Казахстана, Румынии и Венгрии. Публицист, эссеист, политический комментатор. Работал советником ряда венгерских правительств и премьеров социал-демократической ориентации.

Татьяна Щитцова: Пал, спасибо, что согласились дать интервью нашему журналу. Тема номера Вам известна, поэтому позвольте перейти сразу к вопросам. И для белорусов, и для международного сообщества реакция властей на протестные выступления 19 декабря оказалась чем-то совершенно шокирующим, никто не ожидал таких brutальных мер. Как Вам известно, в Беларуси с 2008 года начала отчётливо просматриваться тенденция к либерализации, что нашло отражение в определённых успехах и во внешней политике. Предвыборная кампания – по меньшей мере, в её официально-показной версии – также выглядела почти безупречно, поскольку проходила с соблюдением всех основных правил «подлинно демократических выборов». На этом фоне создаётся впечатление, что А. Лукашенко, допустив насильственный разгон митинга, обрубил сук, на котором сидел, – в том смысле, что столь brutальная реакция ставила крест на усилиях самого президента наладить отношения с Западом и создать себе репутацию заслуживающего доверие политика, т. е. политика, с которым можно сотрудничать. Как бы Вы прокомментировали этот политический эксцесс?

Пал Тамаш: Я хотел бы отметить здесь прежде всего два момента. *Во-первых*, я просмотрел некоторые описания западных аналитиков и обнаружил там следующую странную вещь: они исходят из того, что раз мы имеем дело с авторитарным и диктаторским режимом, значит, всё решает Лукашенко. Вы, как мне показалось, ставили вопрос в этом же духе. Как политическому социологу, хотя я не эксперт по Беларуси, мне кажется, что дело в другом. В десятиллионной стране есть элита, которая, по всей вероят-

ности, не гомогенна. Под элитой я имею в виду не культурную или оппозиционную элиту, а элиту при государственной власти. Немецкие эксперты по Беларуси пишут об этих элитах, хотя и очень мало о них знают... В команде Лукашенко есть очень разные люди с разными стремлениями. Есть элита, которая думает, что можно что-то получить от Запада; есть элита, которая думает, что если начать сближение с Западом, то она проиграет; есть промосковская часть элиты и есть те, кто заигрывал бы с национальным вопросом, и т. д. Так вот, я не уверен, что это была просто инициатива Лукашенко. Это, конечно, возможно, но я чётко вижу из анализов, которые я читал, что эксперты, включая оппозицию, не знают этого наверняка. Они не знают, кто их враг. Может быть – Лукашенко, а может быть и не он. И я не знаю. Но, может быть, Лукашенко действительно думал о том, что есть реальная возможность сближения с Западом, а может быть, он так и не думал. Но, кстати, сейчас – и причём не из-за декабрьских событий, а главным образом из-за Каддафи – он знает, что Запад не простит. Если в прошлом году он ещё мог на это надеяться, но теперь – уже нет. С одной стороны, Лукашенко по сравнению с Каддафи – это крупный демократ и европейский деятель, с другой – мы знаем, что начиная с 2002 года шло очень интенсивное сближение Каддафи с Европейским сообществом. Все были довольны, что он остановил поток нелегальных эмигрантов из Африки на юг Европейского Союза и предоставил нефтегазовые концессии западным концернам. Но потом обнаружилось, что есть трещина в его режиме, есть серьёзные внутренние проблемы, связанные с племенными играми. И вот Запад готов забыть все его внешнеполитические достижения, бомбить города и т. д. Выясняется, что его не простили. Десять лет делали вид, что всё хорошо, что сблизилась, и всё же, как выясняется, ему не простили его буйное политическое детство. Это должно быть очень важным уроком для Лукашенко, что есть временное сближение, можно получать какие-то товары, люди могут ездить на заработки, но режиму прощения не будет. Всё, что происходит в Ливии, должно укрепить уверенность Лукашенко в том, что Запад – это не его партнёр. Возможно, партнёр временный, но не стратегический. Если он хочет себе спокойной старости, он не будет играть с Западом. Я думаю, что в декабре этого он ещё не знал, но теперь знает чётко.

Во-вторых, я думаю, что ситуацию в Беларуси определяет игра Москвы, о которой мы фактически ничего не знаем. Читая самые разные тексты в интернете, включая тексты оппозиции, я вижу, что у оппозиции нет реальной информации о том, что происходит в российских и белорусских верхах. И это очень важно, потому что понятно, что режим Лукашенко зависит от Москвы, при этом, с точки зрения Москвы, Лукашенко повёл себя не как младший брат. Обоснованно или необоснованно, но он пытался вести себя не как младший брат. И я не помню, чтобы россияне прощали бы кому-нибудь подобное. Этого не может быть. Конечно, ты наш партнёр, друг, родственник. Но ты должен знать своё место. Если ты забы-

ваешь своё место, карают немедленно. Это геополитика. Россия не простит лидера страны, который вёл себя, по мнению российской элиты, не по-джентльменски. И в этом плане (я знаю это не только из российской печати, я там бываю очень часто) идея, что Беларусь надо поставить на место, очень широко разделяема в Москве. Фактически, её разделяет вся российская общественность, кроме каких-то очень либеральных групп. Либеральные группы считают, что Лукашенко – это опасность, потому что Лукашенко может стать точкой кристаллизации антидемократических настроений. Так что здесь, начиная от крайне правых до крайне левых, существует довольно много разных мнений, но преобладает мнение о том, что «вот этого пацана надо убрать».

Т.Щ.: То есть Вы полагаете, что это жёсткое и беспрецедентное для Беларуси решение исходило не от президента?

П.Т.: Мне кажется, что, поскольку выборы были выиграны, никакой реальной опасности потери власти для Лукашенко не было. Поэтому вполне можно предположить, что определённая часть правящей элиты хотела таким образом сузить поле акций Лукашенко. Ведь после декабря он частично потерял власть, способность маневрировать и по отношению к Евросоюзу, и по отношению к Москве. Если бы он был как Чавес или Каддафи, он мог бы делать, что хотел, но здесь этого нет. И если его поле для маневрирования сужается, тем самым драматически сужается способность режима выживать. Те силы, которые этого добились, хотели не сразу его убить, но, как в больнице, отключить аппарат для поддержания жизни, что и было сделано. И после этого, я думаю, Лукашенко ничего не осталось, как идти навстречу этим людям и силам. Я понятия не имею, кто они, потому что я специально не занимаюсь этим анализом. Но я не думаю, что эти элиты однородны. Насколько можно судить по СМИ, включая оппозиционные сайты и т. д., Беларусь – это не Германия 42-го года: монолит, мобилизация и т. п. Например, в одной из оппозиционных публикаций написано, что в Беларуси велика вероятность повторения сюжета Чаушеску. Но Чаушеску – это не восстание улицы, а инициатива части элиты, которая решила свергнуть диктатора; это путч около диктатора, в партийных и в военных элитах. Это был военный переворот против ненужного диктатора. Примечательно, что в народе о Чаушеску осталась светлая память. Согласно опросам, большая часть населения считает, что при нём был порядок и всё было хорошо.

Если кто-то думает, что переворот может быть устроен с улицы, то он просто наивен. Следовало бы посмотреть, какова вероятность путча и кто может быть путчистом. В любом случае речь будет идти о промосковском, а не прозападном пути. В экономическом плане я вижу, что Москва решила выгнать Лукашенко, создав ситуацию, в которой экономическая система самоуничтожается изнутри (поскольку она зависела от Москвы). Я полагаю, что в такой ситу-

ации, когда сужается западное поле маневрирования и усиливается московское давление, улица не может быть достаточной силой. Кроме того, я не думаю, что это вообще реально в Европе, чтобы миллионы вышли и бросились на «Зимний дворец» Лукашенко. Самый яркий такой эпизод был с Чаушеску, но благодаря демократическим властям Румынии мы сейчас знаем, что народ играл тогда не главную роль, равно как и оппозиционные силы. Да, массовые волнения были, поскольку в стране были реальные голод и холод. Всю зиму не было отопления и нечего было есть, люди были в отчаянии. Когда совпадут голод, холод и жесточайшее угнетение, тогда может произойти крупная вспышка. Но потом появляется армия и говорит: «Время убрать этого дурака». Именно армия и определённые союзники из ЦК убрали Чаушеску.

Т.Щ.: Пал, давайте теперь переместимся на улицы. Размах декабрьского протестного выступления тоже был довольно неожиданным. Даже лидеры оппозиции, которые призывали к выходу на площадь, не были готовы к такому. При этом нужно учитывать, что у нас не было ни единого кандидата от оппозиции, ни лидирующей партии, ни, в принципе, сколь-нибудь продуманной организации митинга. То есть люди, которые шли по проспекту, не следовали никакой внятной политической программе. Что же их мотивировало?

П.Т.: Здесь, я думаю, имело место то, что я называю *эстетическим сопротивлением*. В двухмиллионном городе есть высокие технологии, есть творческая, научная, вузовская интеллигенция, которая по роду своих занятий не изолирована в информационном пространстве, «живёт» в объединённой Европе, у неё есть свои эстетические представления о том, как люди должны говорить, выглядеть, каким должен быть внешний образ государства. Для этого нового среднего класса (то, что называют информационными работниками: вузы, креативная индустрия, сфера масс-медиа), для них Лукашенко – агрессивный сельский мужик, бывший председатель колхоза – не может быть вождём, это генетически чужое. Этот генетически чужой говорит по-чужому и т. д. Поэтому вполне понятно, что в Минске, двухмиллионном городе, нашлось 50 тысяч тех, кому отчаянно надоело всё то, что происходит в Беларуси – эти люди по телевизору, эти съезды и эти флаги... эта эстетика...

Люди вышли на площадь не потому, что им нравились лидеры оппозиции. Насколько я могу судить, эти лидеры оппозиции не очень профессиональные политики. Я читаю всё, что они пишут на своих сайтах, это всё очень красиво. И я сказал бы, что, странным образом, оппозиция и Лукашенко говорят об одном и том же: социальное государство, демократия (хотя понятно, что это разные вещи у одних и у других). Но и те и другие говорят о необходимости социального государства, ответственности за людей. Это прекрасно как концепция, но, как мы знаем, социальное государство в тех объ-

ёмах, как оно существует сегодня в Беларуси, из собственных источников содержать нельзя. Лукашенко демагогически удерживает эту модель социальной ответственности: ты – мой народ, и я тебя кормлю. Но фактически это же говорила и оппозиция. Ярких либералов, которые сказали бы, что с этим пора покончить, нет. Некоторые из тех, кто говорил о независимости, понимали, что для пути социальной ответственности, который нравится населению, нет средств. Беларусь может стать независимой, если сократит общество благосостояния. Единственный путь – это путь жёсткой экономики. Можно начать с армии, можно экономить и на пенсионерах. Но не было таких смелых людей в оппозиции, которые сумели бы сказать народу: ребята, вы живёте в мечте, вы хотите быть независимыми, но вы живёте на средства из чужого кармана.

Т.Ш.: А чем объясняется, на Ваш взгляд, столь длительное существование режима Лукашенко? Каковы здесь основные слагаемые?

П.Т.: Мне кажется, что нынешний режим – это следствие того, что в последние 15–20 лет Лукашенко удалось сделать в Беларуси. И то, что ему удалось и не удалось сделать, важно для всего постсоветского пространства. Всем было понятно, что восстановить Советский Союз невозможно – и не потому, что все ненавидят политбюро. При этом, фактически, у очень многих людей была мечта, что если мы убираем какие-то ненавистные части советской системы и создаём такой СССР-*light*, это тоже будет индустриальный модерн, этакий периферийный вариант государства благосостояния, и каким-то образом это может состояться. Но именно в Беларуси этот вариант всё-таки попытались осуществить. В России, к примеру, больше думали о пространствах, сырьевых ресурсах и т. д. Демонтаж социального государства там произошёл раньше, чем в других постсоветских государствах, и более радикально. Но вот появляется страна – Беларусь, у которой генетически отсутствуют амбиции великой державы. И, с другой стороны, не наблюдается национального, националистического драйва (как, например, в Грузии или Армении, где люди пытались сыграть на национальных мотивациях). То есть это просто часть, оторванная от центра, развитая часть Советского Союза, ничего больше. С этим и связана сейчас большая часть проблем, так как белорусы не являются пока реальной нацией. И вот на этом оторванном советском острове попробовали реализовать вариант, который был бы более или менее приемлем. Есть частная собственность, нет информационного вакуума, долгое время работал и ваш университет, западные культурные институты, при этом остаётся КГБ, но ведь не забирает людей каждый день. И что получилось? Если быть предельно циничным, в 68-м году, за месяц до Пражской весны, у чехословацких коммунистов была идея – социализм с человеческим лицом. Был очень умный философ, который этот термин придумал, за это и пострадал, но сейчас не о нём.

Так вот, когда задумывался этот белорусский вариант, это был запоздалый на 20 лет социализм с человеческим лицом. Но, как в своё время гениально заметил Маркс, каждая историческая сцена повторяется два раза: один раз как драма, другой раз как комедия. Пражская весна была трагедией, а вот когда в Беларуси попытались повторить попытку, это была уже комедия. Я понимаю, что это не смешно для людей, которые здесь живут, но это уже не социализм с человеческим лицом, а карикатура на него, и именно потому, что для социализма с человеческим лицом (или без него) нужно или богатство, или нефтяные ресурсы, или идеология, или какая-то большая замкнутая система – типа России или Китая. В десятиллионной стране такую систему построить невозможно. Выяснилось, что в Беларуси нет своих средств для такого полномасштабного эксперимента, а базовым ресурсом является российская нефть. Таким образом начинается диктатура. Эксперимент продолжается, средства убывают, и в этом СССР-*light* проступает всё больше элементов, которые не являются демократическими. Они приобретают системный характер, и всё быстрее восстанавливается вариант СССР-не-очень-*light*. Демократически эту систему поддерживать нельзя, и вы увидите это, когда осенью будет совместная акция российских банков и Международного валютного фонда. Российские банки попросят МВФ высказать свои рекомендации. И вы увидите, что пропишет вам МВФ, который всем – от Латвии до Греции, от Португалии до Ирландии – прописывает жесточайшее уничтожение всего того, что белорусский народ так любит: стабильные пенсии, социобеспечение, бесплатное образование и т. д. Вы увидите, что сама международная финансовая система не подразумевает этого эксперимента.

Т.Щ.: Многие аналитики объясняют существование режима так называемым социальным контрактом между властью и населением.

П.Т.: Это, конечно, так, но я перевернул бы схему. Я это вижу не так, что есть диктатор, который понял, что есть социальный контракт. Я думаю, что социальный контракт был задуман как социальный контракт постсоветского госкапитализма, безусловно, не в западнической культурной оболочке. Но затем выясняется, что социальный контракт трудно соблюдать: нет средств, нет оснований для обещанного вечного счастья. И так как это не жизнеспособный контракт, власти начинают быть заинтересованными в народной пассивности. Тогда-то и начинается диктатура, потому что необходимо навести порядок, чтобы народное недовольство не перевернуло эту систему.

Таким образом, моё мнение расходится с мнением тех экспертов и представителей оппозиции, которые считают, что есть brutальный деспот, который, чтобы не пользоваться полицией каждый день, придумывает социальный контракт. Я думаю на-

оборот. Есть социальный эксперимент, вот этот СССР-light, и так как он не получается, приходится с каждым днём быть всё более brutальным. Соответственно, диктатура – это не причина, а следствие.

Т.Щ.: Ещё один вопрос в этой связи. На лекциях Вы говорили, что политические технологии нацелены на социальные низы и что в современных условиях перевороты устраиваются политическими элитами. А как Вы оцениваете значение и место интеллектуалов во всех этих процессах?

П.Т.: Я всё-таки циник в этом вопросе. Я считаю, что властные элиты думают о том, как им обращаться с разными группами населения, чтобы и они были довольны, и страна была стабильна, потому что если люди недовольны и не любят эту страну, в которой живут, и эту систему, они не будут работать творчески. Они будут работать, потому что кушать хочется, но это рабская реакция – так инновации не появятся. Любой дурак, даже околодиктаторский, понимает, что нужно творчество масс, творчество интеллигенции, иначе ты вымрешь, как мамонт.

Насколько я понимаю, в результате случившегося краха белорусские власти оказались перед очень сложным выбором. В нормальном постсоветском варианте (я имею в виду мейнстрим, то, как обычно делают; то же самое имеет место и в Европе) пытаются каким-то образом интегрировать наиболее активную часть среднего класса, интеллигенцию. Власть интеллигенции не дают, и с этим была связана первая волна разочарования перестроечной интеллигенции. Чего, может быть, не было в Беларуси, потому что Беларусь выпала из этого транзита, и поэтому многие вещи в странах завершающегося транзита общеизвестны, а в Беларуси ещё остаются нерешёнными, и с этим связаны какие-то иллюзии.

Итак, когда перестроечная интеллигенция боролась с властью вербальным образом, она всё-таки думала о новом обществе, в котором у этой интеллигенции будет какое-то хорошее положение. Не то, чтобы быть вождём, но были и такие, которые мечтали, что они станут министрами, что интеллигенция будет при власти. Обязательно у власти, но при власти. И потом очень быстро все – от России до Венгрии, от Польши до Чувашии – поняли, что это было лишь мечтой. Представители интеллигенции к власти не приходят. Власть делается над ними и без них. То есть они были временной заменой для капиталистического класса, пока этот класс власть имущих не состоялся. И так как ты имущества не имеешь, а во власть отбираются по этому принципу, ты туда не попадаешь. После 95-го чешскому, польскому, венгерскому интеллигенту это было абсолютно понятно. Для белорусской интеллигенции, которая является носителем оппозиционной идеи, это всё является повтором перестройки 1988–89 гг., идеологии, которая в остальных странах уже давно провалилась, к сожалению.

Т.Щ.: Означает ли это, что все просветительские усилия интеллигенции по формированию гражданского общества, по тому, чтобы вызвать *mind change* у населения, привыкшего к патримониальному государству, – что всё это напрасные утопические старания?

П.Т.: Я думаю, что *mind change* можно организовать в любом обществе, у любой части населения, в любую сторону, но для этого требуется очень тонкая система манипуляции через масс-медиа. И если масс-медиа не в твоих руках, то, таким образом, информационное вмешательство, просветительство, воспитание, если хотите, не в твоих силах. Интеллигенция, которая думала, что она – в России, Польше, Венгрии – сможет что-то сделать, она не получила этот ключ, она не получила масс-медиа. Масс-медиа стали другими, там другие властные системы. Без разветвлённой системы масс-медиа ничего невозможно. Пусть развиваются ещё тысячи гражданских инициатив. Но гражданские инициативы ничего и не перевернули. Тридцать лет назад была польская «Солидарность», очень известная инициатива. Есть большая система социологических исследований (*European Social Survey*), куда входит, в том числе, и Польша. И вот ставятся вопросы о гражданском обществе: что ты сделал последний раз для общества? делал ли ты за последние 6 лет что-то для своего общества, города? участвовал ли ты в какой-либо гражданской акции? Согласно полученным данным, выходит так, что все восточные свободные посткоммунистические страны – Польша, Чехия и т. д. – несоизмеримо менее развиты в гражданском отношении, чем западные страны. И наиболее интересен польский феномен: 30 лет назад у них была «Солидарность», но сейчас Польша на одном из последних мест по гражданской активности. Люди совершенно расхотели делать что-то для соседей, для государства, для общества. Вот вам пример того, что случилось с действительно уникальным в Европе движением масс против режима. Очень важна неспонтанность. «Солидарность» – это же была политическая контрэлита, которая расслабилась в 1980-е, и коммунисты расслабились. Коммунистическая элита понимала, что время играет против неё, и элита гражданская тоже задышалась от усталости за годы сопротивления. И народу это уже было неинтересно. Его интересовали не гражданские акции, а женитьба, рождение детей и так далее. Вот эти два слабых актора – уже слабая коммунистическая элита и слабая элита «Солидарности» – договорились между собой (ведь всё равно система уже рушилась) и провели круглый стол о том, как делить власть. И была создана демократическая Польша – на основе договора о том, как делить власть. Не как забрать, а как делить власть: у тебя остаётся кусок, и у меня будет кусок, и мы договариваемся о том, что делать дальше. А дальше было сложно.

То же самое и в Венгрии. Круглый стол, коммунисты и антикоммунисты договариваются о том, как делить власть. И для граж-

данского общества в Беларуси я не считаю реальной наиболее розовую версию – так просветить массы, чтобы они понимали, что Лукашенко плохой дядя, и на свободных выборах они будут голосовать против него. Ввод войск НАТО нереален, как и российских. Таким образом, остаётся единственный вариант: делить власть – с участием или без участия Лукашенко. Всё тот же круглый стол представителей власти (госэлиты, силовиков), которые хотели бы контролировать экономику, и за это они готовы договариваться с демократической общественностью.

Т.Щ.: То есть такой мягкий переворот со стороны элит, о котором Вы говорили ранее.

П.Т.: Частично. При определённом участии в этом гражданского общества. Понятно, что решить проблему можно только путём каких-то перетасовок во властной элите. Скорее всего против Лукашенко, потому что он становится символической фигурой, а всегда легче убирать символическую фигуру, поскольку все остальные могут оставаться на своих местах. Такова была основная идея при свержении Чаушеску (у тех генералов, которые выступили против него).

Т.Щ.: Таким образом, интеллектуальные усилия выступают в роли возможного катализатора, но структурно ничего не решают?

П.Т.: Безусловно, они катализаторы. И очень интересная задача – создавать рамки и модели для этого круглого стола. Всё-таки интеллектуалы могут быть посредниками между властью и гражданскими людьми (рабочими Тракторного завода и т. д.). Когда выходит на улицы университетская элита – это прекрасно. Но когда выходит Тракторный завод, это более интересно. И для власти это более важно.

Т.Щ.: Но вряд ли стоит надеяться, что рабочие будут следовать тому эстетическому чувству, о котором Вы говорили выше.

П.Т.: Эстетического чувства не будет, но они могут мечтать о том, что если убрать Лукашенко, будет экономически лучше. Однако экономически лучше не будет. Возможен либеральный поворот, и тогда Беларусь ждёт 10 лет довольно тяжёлого российского – гайдаровского – периода, а без нефти даже Россия не выкарабкалась бы. А годы кризиса обычно очень быстро «пожирают» политическую и интеллектуальную элиту. И в России, и в Америке мы видим это. Рузвельт пришёл после кризиса, до кризиса о нём никто не думал. Появились новые силы. Так что проблема не в том, убрать или не убрать Лукашенко. Его уберут скоро, или он сам уйдёт. Но впереди период «гайдаровских реформ», может быть, не таких драматических, без гиперинфляции, хотя она уже начинается. Правда,

созданный в Беларуси госкапитализм – уже не советский капитализм, и, возможно, такой драмы не будет.

Возвращаясь к интеллектуалам... Интеллектуалы могут, кроме эстетики, думать о структурах. И тогда они будут знать, как договариваться с потенциальными реформаторами при власти. Одновременно, будучи оппозиционными, они ведь имеют и какую-то связь с гражданскими структурами, которые хотели бы изменения политической ситуации. У посредников всегда очень важная роль, особенно у умного посредника, который может предложить разные варианты торга и этим смягчить переход. Задача демократической интеллигенции – помочь договариваться с социальными силами. Роль медиатора. Не имитатора каких-то социальных преобразований. Если интеллигенция начинает заниматься подобной имитацией, через какое-то время выясняется, что те, кого она хотела представлять, говорят: спасибо, мы тронуты, но сейчас мы будем сами себя представлять. Так произошло и в Восточной Европе. Это биологический, физический, структурный закон. Если бы я жил в Минске и занимался полуполитикой, я начал бы активно исследовать разнородность элит – с кем говорить и на каком языке, с кем не говорить. И если выясняется, что в экономике большие проблемы, что Запад – и Москва, кстати – помогать не будут, элиты должны как-то выделиться, проявить себя. Таким образом начинаются изменения, и если будет хуже, появятся движения рабочих, и тогда ты уже можешь создавать какое-то договорное пространство.

Если говорить о каких-то близких аналогиях, то можно привести в пример ситуацию в Молдове. Там авторитарный режим, но очень мягкий. Президента Воронина, который тоже во власти *два* цикла, не уничтожали, а «сдвигали». Создалась ситуация, в которой Запад был заинтересован в Молдове, а России Молдова не очень нужна. И был один молодой человек при Воронине, очень талантливый реформатор, – этому молодому человеку оппозиция и предложила, чтобы он стал их кандидатом на пост премьер-министра, т. е. не кто-то из своих интеллектуалов, а он. Он согласился, и этим реально изменил соотношение сил, началась серия изменений, не в сторону компартии, это точно.

Т.Щ.: В Беларуси были люди, которые могли вызвать изменения в соотношении сил на политической арене, но они были устранены, они исчезли.

П.Т.: Они исчезли, я не знаю, физически или нет, но повторяю, ситуация может измениться. И очень важно, конечно, учитывать такой момент, как российская геополитика. Беларусь расположена по оси Берлин–Москва. Россия строит империю, и ей не всё равно, где будут потенциальные границы НАТО и Евросоюза – у Смоленска или Бреста. И хотя сейчас отношения России с Евросоюзом хорошие, любому российскому генералу понятно, что наши союзники должны стоять в Бресте, а не в Смоленске. Отпустить Бела-

руссию Россия не хочет и не может. Так что быть чистым западником по модели Саакашвили, стремиться сделать из Беларуси Америку – точный провал, военный и финансовый. Я думаю, что здесь играть долгосрочно против России невозможно. Попробовать, конечно, можно, и тогда это будет тестом, насколько Россия в состоянии контролировать вашу страну. Но тест этот будет очень рискованным. Это не значит, что Беларусь однозначно обречена быть колонией и не может быть капиталистической страной. Я не об этом. Беларусь – уникальное место в военно-стратегическом плане, это ворота в Москву, поэтому исключено, чтобы ваша страна, подобно Польше, выступила в качестве верного союзника Запада.

Т.Щ.: Но это ведь «взгляд из Москвы». То, что Вы говорите – в каком-то смысле приговор для национально ориентированной части нашей оппозиции. Эти люди мыслят в терминах возвращения Беларуси в Европу.

П.Т.: Если понимать возвращение в Европу как ношение национальных костюмов и употребление белорусского языка – это сколько тебе влезет. Это хорошо для населения. Я не очень большой сторонник национальных движений в Восточной Европе, я видел, как они причинили очень большой ущерб очень многим. На днях я смотрел белорусскую оппозиционную печать в интернете. Есть сайт *beldigest.info*, где сводится вся оппозиционная информация. Там, по-моему, девять газет, из которых, кажется, восемь на белорусском языке. При этом ведь понятно, что любая революция, гражданское движение берут импульс от городских масс; не село белорусское восстаёт против гнёта, а образованные люди. Но если этот город говорит на русском языке, делать всю эту публицистику на белорусском – это просто смешно, ведь люди не будут читать, это им не нужно. Есть такая остро национальная газета *День* в Киеве, но у неё есть и украинский, и русский варианты. У ежедневной газеты! В Киеве, в Харькове такую национальную газету все читают по-русски. Я спрашиваю эту газету на русском, и когда уже нет этой газеты на русском, её раскупили, киоскер говорит извиняющимся голосом, что осталась только украинская версия. Газета не про-московская, а резко антимосковская, и её читают по-русски. И это при том, что распространённость украинского языка в политической сфере гораздо шире, чем в случае белорусского языка. Так что получается, что если независимость отстаивается таким образом, она оборачивается языковым гетто. И это сигнал всем русскоговорящим: это движение не ваше.

Т.Щ.: Да, это очень точное наблюдение. Пал, ещё один вопрос. Лукашенко вызывает симпатию у многих и внутри страны, и за её пределами за то, что Вы в своих лекциях назвали попыткой выйти из системы глобальной экономики. Как известно, есть целый ряд стран, которые пытаются таким образом двигаться по некоему аль-

тернативному пути. Насколько этот путь политически и экономически перспективен?

П.Т.: Таких стран не так уж и много: Венесуэла, Куба, Ливия, какие-то арабские страны, Северная Корея, Иран... Пожалуй, всё. Названные страны имеют характеристики, которых нет у Беларуси. *Во-первых*, это природные ресурсы: Иран, Венесуэла, Алжир, Ливия и т. д. Беларусь не входит в их число. Другая важная черта – крепкая идеология, которая может фанатизировать людей, – например ислам. Но если у тебя нет ислама и нет нефти, тебе в этом клубе искать нечего. Пока есть нефть, в военно-политическом и экономическом плане с этими странами ничего нельзя сделать. Нефть отобрать невозможно. Однако Саддама Хусейна всё же убрали, Каддафи сейчас убирают, на Кубе начинаются реформы сами по себе. Я не знаю, что будет с Чавесом, это более сложно, в каждом варианте свои сценарии. Так или иначе, глобальная система не терпит противостояния. Одно дело, когда вы – французские интеллектуалы, называете себя антиглобалистами, выходите на демонстрации и т. д. И совсем другое, когда целая страна хочет выйти из системы (началось это, конечно, с Сербии). Единственное, что может спасти такую экзотику, даже независимо от нефтяных ресурсов, это наличие ядерного оружия. Если есть бомба, то американцы на тебя напасть не могут. Неслучайно Израиль уже в 1950-е создал свою атомную бомбу. У Лукашенко же нет ни атомной бомбы, ни нефти, ни идеологии, поэтому его очень просто сместить.

Т.Щ.: Но тогда складывается образ этакого заигравшегося диктатора... На что же он рассчитывает, если ничего нет?

П.Т.: Да, реальных ресурсов нет, в военно-политическом плане он не защищён, союзников, начиная с Саддама Хусейна и кончая Каддафи, постепенно удаляют из международной системы. Фактически, из этих 5–6 экзотических лидеров, начиная с Милошевича и Саддама Хусейна, почти никого не осталось. Мировая система, и военно-стратегическая в том числе, предполагает гомогенизацию, и она очень хорошо работает. Система же Лукашенко слишком чётко обозначала себя как внесистемную силу. Я думаю, что если бы власти вели себя тише в этом плане, то и россияне охотнее шли бы на договорённости.

Т.Щ.: Пал, из того, что Вы говорите, напрашивается вывод, что в Беларуси на сегодняшний день политические элиты, которые имели бы какое-то значение/влияние *наряду* с Лукашенко, очень слабы.

П.Т.: Они слабо видны, но я не думаю, что они слабы. Я думаю, они просто или замаскировались, или не научились себя открывать. Но в ближайшее время они должны себя открыть, потому

что система тонет, а они должны выплывать на берег, и они могут это сделать, только обнаруживая себя. Полагаю, это произойдёт в ближайшие два года. И я не думаю, что в данной геополитической ситуации реален уличный демонтаж власти. Повторяю, что там, где говорят, что это якобы было, этого не было. Саддама Хусейна свергли американским военным вторжением. О Румынии я уже рассказывал. И то, что Лукашенко будет висеть на площади рядом с памятником Ленину, я не считаю реалистическим вариантом.

Т.Щ.: Круглый стол, о котором Вы говорили как о реалистическом варианте, – неизбежно ли в нём участие Москвы?

П.Т.: Да, думаю, более однозначно, чем присутствие Европейского Союза. Что возможно, но это не совсем его геополитическая зона. И, насколько я понимаю, сам Евросоюз не очень хочет расширения своей геополитической зоны. По всему видно, что вестернизация происходит тогда, когда Европейский Союз чётко тебе скажет: мы тебя принимаем, если ты принимаешь наши условия. Но если он говорит (и это видно на примере Украины), что мы тебя не принимаем, тогда заставлять местные элиты принимать европейские правила игры нереально. На Украине Янукович вернулся к России – и не потому, что там газ и экономические интересы. Просто было понятно, что их в Европу не пускают. Демонтажа предприятий (то, что состоялось в Словакии, Чехии, Венгрии) украинцы не хотят и не могут этого делать, соответственно, они должны как-то договариваться, но европейского будущего у них нет. Путь в Европу – в том, что ты будешь, как Польша, как Литва, членом Евросоюза. Однако в обозримом будущем в Евросоюз никого не пустят. Демократическую страну или недемократическую – никого. Какая же может быть тогда европейская инициатива? Разве что в культурном плане. Беларусь пустили в «Восточное партнёрство». «Восточное партнёрство» и придумано для того, чтобы не пустить входящие в него страны в Евросоюз, это замена Евросоюза. Никто не собирается принимать эти страны в европейскую семью. У Евросоюза свои интересы. Можно говорить о чём угодно, но геополитические интересы я вижу очень чётко.

И я не думаю, с другой стороны, что те западные структуры, которые участвуют в финансировании гражданских инициатив в Беларуси, заинтересованы в конфронтации с Россией: в том духе, что мы хотим отвоевать эту территорию у Москвы, и вот мы пустим их в Европу, и тогда границы НАТО будут под Смоленском. В ближайшем будущем таких приоритетов нет.